

«Мы не можем обойтись без азербайджанской нефти, без туркестанского хлопка. Мы берем эти продукты, которые нам необходимы, но не так, как брали старые эксплуататоры, а как старшие братья, несущие факел цивилизации».

Григорий Зиновьев, *председатель
Петроградского Совета, 1919 год*¹

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

ФЕДЕРАЛИЗМ С ИМПЕРСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Описывая покорение британцами Индии, бенгальский автор конца XVIII века изображал механику этого процесса следующим образом:

«Два местных правителя борются за одну и ту же землю, и один из них [в ходе этого противоборства] решает обратиться к англичанам. [...] Англичане на своих условиях подписывают с ним некий договор и в течение какого-то времени соблюдают его, параллельно вникая в управленческие и бытовые обыкновения той страны, а также знакомясь с имеющимися в ней соперничающими группировками. Затем, обучив местную армию и заручившись поддержкой одной из партий, они одолевают другую партию, мало-помалу проникают в страну и захватывают ее целиком»².

Действительно, вся эта выдающаяся эпопея, которая разворачивалась на рубеже XVIII и XIX столетий, представляла собой показательный пример того, как неспешную федерализацию осваиваемого политического пространства можно обратить в «ползучую» территориальную экспансию.

Ключевым словом в этом беглом, но пронизательном анализе оказывается «договор»: сотни подобных соглашений, будучи подписанными индийскими, арабскими, африканскими правителями с представителями британской короны, устанавливали на вверенных им землях квазифедералистскую модель распределения компетенций – и одновременно расширяли пределы

- 1 Цит. по: Геллер М., Некрич А. *Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней*. London: Overseas Publications Interchange, 1989. С. 166.
- 2 Этого автора звали Гулям Хуссейн Хан; его перу принадлежит знаменитая работа «Хроника новых времен» (1789), из которой и взят приведенный выше фрагмент. Цит. по: FERGUSON N. *Empire: How Britain Made the Modern World*. London: Penguin Books, 2004. P. 36–37. О «Хронике новых времен», недоступной пока в русском переводе, подробнее см.: *Siyar-ul-Mutakhkherin // Banglapedia: National Encyclopedia of Bangladesh* (<https://en.banglapedia.org/index.php?title=Siyar-ul-Mutakhkherin>).

британских владений. Присваивая себе вопросы обороны и дипломатии, англичане оставляли местным нотаблям практически все остальные сферы самоуправления, включая даже сбор налогов. В результате какой-нибудь малайский крестьянин или оманский рыбак могли вообще ни разу в жизни не встретиться с английским чиновником. Это было весьма удобно для королевской администрации и довольно соблазнительно для ее клиентов, не только резервировавших за собой широкую управленческую свободу, но и заручавшихся эффективной защитой от внешних посягательств. Более того, о приобретении к подобному «имперскому федерализму» потенциальные подданные зачастую настойчиво просили сами: например, на рубеже 1870–1880-х племенные вожди дуала, проживавшие на побережье залива Камерун, неоднократно и настойчиво предлагали свои земли Великобритании, заявляя о своей готовности подчиниться английскому праву и британской короне. И подобных случаев было много, причем не только в Африке.

Несмотря на то, что народу дуала в желаемом было отказано – по свидетельству местных вождей, именно из-за того, что англичане обидно пренебрегли их просьбами, им пришлось в 1884 году перейти под покровительство германского кайзера³, – методики подобного рода применялись строителями Британской империи не раз и не два. В частности, именно таким было включение в геополитическую орбиту Лондона соседствующей с индийскими землями Малайи, некоторым княжествам которой ради приращения английских владений нарочито предоставили статус «федерируемых» территорий⁴. (Кстати, познакомившись некогда с моделью «имперского федерализма по-британски» и оценив ее, нынешняя Малайзия и сегодня остается федеративным государством.) Если же говорить о других частях света, то без использования квазифедералистского инструментария едва ли удалось бы обеспечить финальную интеграцию в состав британских владений как бурских республик Южной Африки, так и франкофонных земель Канады.

Намек, содержащийся в этих историях, вполне прозрачен. Сочетая инструменты самоуправления и разделенного правления и, таким образом, покоряя иные народы как бы «нежно» и «не до конца», архитекторы имперских государств могли менять контуры своих владений на географических картах. Иначе говоря, федералистский по сути этос вдруг оказывался востре-

3 О перипетиях торгово-политического соперничества между Британией и Германией, закончившегося в 1884 году немецкой аннексией Камеруна, см.: FANSO V.G. *Trade and Supremacy on the Cameroon Coast, 1879–1887* // НЗЕУМА М. (Ed.). *Introduction to the History of Cameroon: Nineteenth and Twentieth Centuries*. New York: St. Martin's Press, 1989. P. 63–87.

4 Подробнее о формировании и эволюции колониальной малайской федерации см. в моей статье: ЗАХАРОВ А. *Федерализм по-азиатски: Россия и Малайзия в сравнительной перспективе* // Он же. «Спящий институт»: федерализм в современной России и в мире. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 61–79.

бованным теми, кто стремился обогатить себя новыми территориями. Разумеется, такое положение дел выглядит возмутительным парадоксом: ведь федеративный принцип придумали для рассредоточения власти – то есть для поддержания свободы, а не облегчения порабощения. (Вот уж воистину прав Николай Бердяев: «Всякая объективация есть ложь»⁵ – и федерализм, по-видимому, не исключение, как ни горько это признавать.) Интересно то, что он помогал не только создавать империи, но и поддерживать их в рабочем состоянии – об этом красноречиво свидетельствует все тот же британский опыт. В частности, после злополучного расставания с частью своих североамериканских земель Англия была вынуждена пересмотреть взаимоотношения с колониальными анклавом, основанными белыми поселенцами. Лозунг «No taxation without representation» был, наконец, услышан: это произошло в конце 1830-х после нашумевшего доклада лорда Дарэма о путях умиротворения расколотою надвое Канады. В то время как поселенческим колониям решили обеспечить представительство, которого им не хватало прежде, в остальных владениях непосредственное присутствие колониальных администраторов по возможности сводили к минимуму, последовательно расширяя компетенции местных правителей; ведь, как пронципально отмечал Джон Стюарт Милль, «деспотизм людей, которые вовсе не знают подвластного народа, по всей вероятности, будет хуже деспотизма тех, кто его знает»⁶. Подобные инициативы породили феномен, известный как «имперская федерация»: представляя себя миру, этот конструкт оставался империей, но в особенностях своей внутренней механики – прежде всего в целенаправленном рассредоточении власти – весьма походил на федеративное государство⁷.

После крушения имперских порядков федерации, образовавшиеся на обломках многонациональных централизованных гигантов, присвоили себе прежние способы территориального расширения. Но если в имперский век экспансия реализовалась в двух вариантах – либо как грубый силовой захват, либо как деликатное мирное вовлечение в договорные отношения, – то после 1945 года и начала обвальной деколонизации жизнеспособным остался только второй из этих способов. Именно это позволило Уильяму Райкеру в 1960-е объявить федерализм единственным пригодным для современного мира легальным средством присоединения новых территорий. Более того, под-

5 Бердяев Н. *Самопознание. Опыт философской автобиографии*. М.: Международные отношения, 1990. С. 284.

6 Милль Д.С. *Рассуждения о представительном правлении*. Челябинск: Социум, 2006. С. 357.

7 О федеративных экспериментах Британской империи подробнее см.: BURGESS M. *The British Tradition of Federalism*. London: Leicester University Press, 1995.

черкивал Райкер, это «эффективная форма территориального расширения, поскольку новые члены вовлекаются в федерацию таким образом, что их территориальная идентичность не теряется, а правители сохраняют свои посты»⁸. Следствие, которое вытекает из этого сужения наличных опций, вполне понятно: спрос на федерализм оживляется в тех сферах, где в былые времена его и ожидать было нельзя – а именно, среди державников, империалистов и экспансионистов.

Сочетая инструменты самоуправления и разделенного правления и, таким образом, покоряя иные народы как бы «нежно» и «не до конца», архитекторы имперских государств могли менять контуры своих владений на географических картах. Федералистский по сути этос вдруг оказывался востребованным теми, кто стремился обогатить себя новыми территориями.

Поскольку любая федерация, по дефиниции своей, является добровольным союзом, новоявленный «федералистский империализм» придает огромное значение юридическим формальностям: отныне территориальное поглощение не должно выглядеть как неприглядное насилие – присоединение любых «новых территорий» должно обставляться набором изощренных церемониальных нюансов, регламентируемых легально. Уместно заметить, что в любом федеративном государстве есть специальное законодательство, которое регулирует возможное вступление в состав федерации новых субъектов; причем размер здесь не имеет значения – федеративное пространство, подобно имперскому, предрасположено к расширению по самой своей природе. Поэтому даже Непал – одна из самых миниатюрных федераций мира – в своем законодательстве устанавливает, что его изначальная территория способна «расширяться за счет земель, которые могут быть приобретены государством после вступления [федеративной] Конституции в силу»⁹. Стороннему наблюдателю остается лишь догадываться, откуда по соседству с этим маленьким политическим образованием, зажатым между Индией и Китаем, могут взяться претенденты на вступление в непальскую федерацию, но тут важным представляется именно сам принцип: любая федерация, даже крошечная – это потенция экспансии.

⁸ RIKER W.H. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown and Company, 1964. P. 40.

⁹ Корольков В. *Федерализм в Гималаях: трудное обновление государственности в Непале* // Неприкосновенный запас. 2021. № 5(139). С. 168.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ВПЛОТЬ ДО РАСТВОРЕНИЯ

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЛИЗМ И ЭКСПАНСИЯ

История той части мира, которая после Второй мировой войны начала интенсивное вызволение из-под колониальной власти, являет несколько примеров того, как это работало на практике.

В начале 1950-х императорская Эфиопия, очень хотевшая включить в свой состав только что освобожденную от итальянской оккупации Эритрею – приобретение этой бедной полоски земли означало бы для страны выход к морю и получение всех сопутствующих этому благ, – переформатировала себя в федеративное (пусть и имперское) государство. Такой путь, как объясняли Аддис-Абебе в молодой Организации Объединенных Наций, был единственно возможным: ведь эритрейцы отнюдь не скот, который можно на веревке тащить куда угодно¹⁰. Иначе говоря, добровольный союз, сопровождавшийся взаимными двусторонними обязательствами, полностью вписывался в триумфальное шествие самоопределения народов, характеризовавшее послевоенное десятилетие. Щедрые посулы эфиопов (а также сочувствовавших им американцев) вкупе с федеральной перелицовкой монархии, состоявшейся в 1952 году, заставили эритрейскую элиту пренебречь иными опциями суверенного бытия: она не стала провозглашать независимость (как хотели бывшие колонизаторы-итальянцы) и не разделилась по конфессиональному признаку с последующим уходом христиан в императорскую Эфиопию, а мусульман в англо-египетский Судан (как предлагали британцы). Однако, «съев» Эритрею, монархия Хайле Селассие I «переварила» ее менее чем за десять лет, в начале 1960-х свернув федерализм и вновь объявив себя унитарным государством¹¹. Федералистский «фокус-покус» эфиопского негуса можно было бы считать удачно проведенной экспансионистской акцией, если бы не сопряженные с ним издержки. Дело в том, что в начале 1950-х эритрейское население делилось между сторонниками провозглашения независимости и вхождения в Эфиопию примерно поровну, но федералистский урок, который «двудесятилетняя» монархия преподнесла эритрейцам, изрядно ожесточил их. К концу 1960-х националистические сантименты вытеснили из местного общественного сознания все альтернативные ориентации, в Эритрее сложилось мощное сепаратистское движение, а еще через четверть века страна вооруженным путем добилась независимости.

10 Эта образная логика воплощалась в скупом языке правовых актов. См., в частности, Резолюцию Организации Объединенных Наций по Эритрее от 2 декабря 1950 года: *История Африки в документах, 1870–2000*. М.: Наука, 2007. Т. 2 («1919–1960»). С. 391–392.

11 Подробнее об этом см.: Goumenos T. *The Pyrrhic Victory of Unitary Statehood: A Comparative Analysis of the Failed Federal Experiments in Ethiopia and Indonesia* // Kavaliski E., Zolkos M. (Eds.). *Defunct Federalisms: Critical Perspectives of Federal Failure*. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 31–45.

На этот момент стоит обратить внимание всем, кто всерьез полагается на экспансионистский потенциал федеративных союзов. Как правило, инструментальное использование федерализма отличает неполноценные, декоративные и дефектные федерации; это означает, что, добившись своих целей, экспансионисты обычно сворачивают разговоры о союзном равноправии и рассредоточении власти, переходя к привычному для них дискурсу «вертикальных порядков», а иногда и вовсе отказываясь от федерации. Но именно здесь их подстерегает неприятность. Вкусив плоды автономного существования, уважительного отношения и политической субъектности, та или иная общность едва ли с легкостью откажется от подобных благ. Настойчиво предлагая кому-то федеративный союз, а потом резко разрывая оговоренный контракт, актор-экспансионист повергает обманутых и разочарованных в политическую фрустрацию. Одна из тонкостей заключается в том, что интересующие нас союзы заключаются *свободно*; федерация – открытая дверь, в которую при желании может войти любой страждущий. Более того, иногда неопиту предлагают с такой же легкостью и покинуть союз, «если вдруг не понравится»: в ныне здравствующей эфиопской федерации, кстати, предусмотрено право свободного выхода субъектов – ровно такое же, какое существовало в СССР, о чем будет сказано ниже. Но с началом попятного движения дверь громко захлопывается: из унитарного, имперского, авторитарного образования так просто уже не уйдешь. А вот это, накладываясь на обманутые ранее надежды, чревато уже войной.

В указанном смысле весьма показателен опыт еще одного африканского государства, также экспериментировавшего с федерализмом ради приращения собственных территорий. Речь идет о Республике Камерун, на протяжении шести десятилетий собственной истории тоже успевшей (и опять-таки причудливо) побывать в разряде федераций. В 1922 году камерунские земли, отобранные Антантой у проигравшей мировую войну кайзеровской Германии, превратились в две подмандатные территории, одна из которых управлялась французами, а другая – англичанами. Кусок, доставшийся Парижу, в территориальном и демографическом плане превышал добычу Лондона примерно в пять раз. Колонизаторы, в принципе, не делали из такого диспаритета большой проблемы: как известно, где-то убывает, а где-то, напротив, прибывает. Но подобное положение вещей тревожило местных борцов за независимость, которые на рубеже 1950–1960-х очень опасались отчуждения англофонов от франкофонов. Во второй половине 1950-х политическое избавление от европейских хозяев стало программным лозунгом националистов в обеих частях Камеруна. Но при этом будущее

своих территорий виделось им по-разному. Англоговорящие предпочитали либо мелкое, но независимое государство (Лондон был не в восторге), либо присоединение к соседней Нигерии, где тоже говорили по-английски (Лондон не возражал). Франкофоны же хотели незамедлительно приступить к строительству новой самостоятельной африканской нации, избавившейся от колониальных цепей, – с приглашением к участию в этом предприятии англоговорящих собратьев (Париж был в восторге). Иначе говоря, интересы камерунских общин, маленькой и большой, довольно резко расходились.

Именно на этом этапе франкофоны во главе с молодым харизматичным политиком Ахмаду Ахиджо обратились к федералистскому сценарию, которому предстояло выполнить функцию «наживки» в соблазнении англоговорящих элит. Новоявленный государственный руководитель понимал, что слияние двух, довольно разных, частей страны создаст в будущем проблемы, но тем не менее был готов разыграть федералистскую партию: он понимал, что в противном случае ему не удастся выполнить судьбоносную миссию – присвоить британское наследство, которое вот-вот должно было остаться бесхозным после ухода колониальных властей из Британского Камеруна¹². Будущему диктатору – а Ахиджо, как нередко бывает в Африке (и не только там), задержался у власти на десятилетия – предстояло разыграть многоходовую комбинацию: ему нужно было сначала выдать себя за истового федералиста, потом убедить своих англоязычных партнеров в том, что для них нет более выгодного варианта, нежели объединение двух частей Камеруна на федеративных основаниях, а затем понемногу свернуть интеграционный проект и перейти, как и в большинстве освобождающихся от колониализма стран, к каноническому унитаризму.

Собственно говоря, именно так все и получилось. При учреждении федерации, состоявшейся в 1961 году, англоговорящий Камерун получил пакет обещаний, который вроде бы должен был обеспечить его процветание в будущем союзном государстве. Но уже через несколько лет среди бывших подданных Британского Камеруна утвердилось убеждение, что их колонизируют повторно – на этот раз, правда, не белые, а «свои». Президентская администрация постоянно сталкивала представителей англоязычной элиты между собой, не позволяя им консолидировать свои переговорные позиции и высту-

12 TORRENT M. *Diplomacy and Nation Building in Africa: Franco-British Relations and Cameroon at the End of Empire*. London: I.B. Tauris, 2012. P. 17. О камерунском опыте «имперского федерализма» см. также: FEGUE C. *The Games Elites Play: Notes towards an Elite-Focused Understanding of the Failure of the Federal Republic of Cameroon (1961–1972)* // KAVALSKI E., ZOLKOS M. (Eds.). *Op. cit.* P. 59–70; STARK F.M. *Federalism in Cameroon: The Shadow and the Reality* // *Canadian Journal of African Studies*. 1976. Vol. 10. № 3. P. 423–442.

пать единым фронтом: ведя диалог с Ахиджо, бывший Британский Камерун никогда не говорил одним голосом. Дальнейшее было уже делом техники. В середине 1960-х президент ввел в стране однопартийную систему, что выбило из-под федеративной государственности одну из ее главных опор – региональные партии, а в мае 1972-го объявил, что федерализм Камеруну вообще больше не нужен. Проект новой унитарной Конституции вынесли на голосование уже через десять дней после его обнародования; в ходе народного волеизъявления к урнам явились 99% зарегистрированных избирателей, из которых 99% высказались за упразднение федерации. Федерация в Камеруне просуществовала немногим более десяти лет; ее свернули сразу после того, как франкофонная часть страны «проглотила» англоговорящую.

Вкусив плоды автономного существования, уважительного отношения и политической субъектности, та или иная общность едва ли с легкостью откажется от подобных благ. Настойчиво предлагая кому-то федеративный союз, а потом резко разрывая оговоренный контракт, актер-экспансионист повергает обманутых и разочарованных в политическую фрустрацию.

Важно, однако, что на этом, как и в эфиопском случае, история не закончилась. Франкофонным элитам – и стране в целом – также пришлось расплачиваться за безответственный отказ от федерализма, состоявшийся несколько десятилетий назад. Тихое негодование, нараставшее в последующий период на окраинах, прежде находившихся под опекой Лондона, сначала привело к вызреванию разнообразных конвенциональных форм протеста, а с 2017 года обернулось так называемым «англизычным кризисом»: с этого момента территории, на которых проживают англоговорящие граждане Камеруна, охвачены масштабной смутой, не утихающей уже несколько лет и напоминающей самую настоящую гражданскую войну.

ПРАВО НА ВЫХОД

Удивительные перипетии, сопровождавшие обращения африканских лидеров к федерализму, неожиданно, но логично обращают нас к опыту СССР. Бесспорно, в двух описанных кейсах меньшинства оказались обманутыми; но надо иметь в виду,

что при создании многонационального (или многоязыкового) государственного союза такая опасность присутствует всегда. В процессе образования советской федерации большевики, подобно камерунскому президенту или эфиопскому негусу спустя десятилетия, тоже считали федерализацию вынужденной и временной задумкой, от которой по мере ниспровержения мировой буржуазии можно будет отказаться. Но проблема заключалась в том, что победить капиталистов, не опираясь на помощь «трудящихся и освобожденных» народов, было невозможно. А это превращало советскую федерацию в проект, по-настоящему судьбоносный: территория планеты, над которой реяло «красное знамя труда», могла расширяться лишь преумножением участников, один за другим вливающихся в «свободное объединение народов». Срыв этой классово мотивируемой экспансии представлялся невысказанным, ибо он обрушил бы всю конструкцию мировой революции. И хотя национальные меньшинства бывшей Российской империи были в основном готовы принять то, что Уильям Райкер метко назвал «взяткой федерализма» (*the bribe of federalism*)¹³, им все-таки требовались четкие гарантии, что сделка окажется добросовестной. В итоге такие гарантии были получены: после того, как сталинский план «автономизации» был свернут в угоду ленинскому плану «федерализации», в этом качестве выступило право свободного выхода из СССР – для федеративных объединений невиданное¹⁴.

«Ни одна федеральная Конституция не содержит норм, санкционирующих односторонний выход из федерации, – писал Кеннет Уэйр в середине 1940-х. – Среди квазифедеральных конституций только советская предоставляет регионам право на отделение»¹⁵. Безусловно, у английского классика был повод удивиться – но ведь и большевиков можно понять. Они прекрасно знали, что быть в меньшинстве в многоэтничном мире, где господствуют большие *nation-states*, страшновато: как не раз свидетельствовала история, с этническими меньшинствами разное может случиться. Кроме того, было еще и право на самоопределение, которое оставалось дорогим коммунистическому сердцу: ведь именно с его помощью крушились бастионы колониальных империй; его тоже нельзя было в одночасье выбросить на свалку истории – тем более, что колоний оставалось еще в избытке. Но совмещение экспансионистских планов с парадом самоопределений – очень и очень непростая задача. Именно из этого странноватого сплава и родилась идея свободного выхода.

13 RIKER W. *Op. cit.* P. 39.

14 Подробнее см.: Геллер М., Некрич А. *Указ. соч.* С. 159–166.

15 WHEARE K.C. *Federal Government*. New York; London: Oxford University Press, 1947. P. 91.

Таким образом, территориальная экспансия, облакаемая в федералистские формы, может твориться либо «беззастенчиво», как было у некоторых постколониальных африканских лидеров, либо «с затеями», как было у основателей СССР. Беда, однако, заключается в том, что исход в обоих случаях оказывается одним и тем же. Если обхаживаемые территориально-этнические общности попытаться неприкрыто обмануть, сначала пообещав им полнейшее самоуправление, а потом впихнув вместо этого в унитарную «вертикаль власти», то они рано или поздно воспротивятся и отомстят. И Эфиопию, и Камерун постигла именно такая судьба: сегодня им приходится расплачиваться за грехи прежних руководителей. А если же не обманывать, а напротив, выдать волшебный – и бессрочный! – билет на выход, то когда-нибудь верх возьмет соблазн этим правом воспользоваться. «Спящие» институты – опасная вещь; они способны просыпаться невовремя, и с Советским Союзом получилось именно так. Кстати, стоит еще подумать, какой исход хуже.

Если обхаживаемые территориально-этнические общности попытаться неприкрыто обмануть, сначала пообещав им полнейшее самоуправление, а потом впихнув вместо этого в унитарную «вертикаль власти», то они рано или поздно воспротивятся и отомстят.

Впрочем, мог ли молодой СССР позволить себе не даровать народам, вступающим в его социалистическую семью, подобную льготу? Такое трудно себе представить, ибо в этом случае мир «свободного труда» перестал бы отличаться от мира «империалистического гнета». Рассчитывая распространить свою доктрину на все человечество, коммунисты просто обязаны были противопоставить свои проекты старым политическим формам, и именно это делало большевистскую федерацию уникальной. Промашкой же ее создателей стало то, что свертывание экспансионистской лихорадки «мировой революции» не было подкреплено одновременным упразднением права на свободное расставание с Союзом.

* * *

Подведем итоги. Как выяснилось, федерализм – прекрасное политическое приспособление, придуманное для того, чтобы чрезмерная власть не сосредотачивалась в одних руках, – мож-

но применять и для других, менее возвышенных надобностей. Предотвратить подобные опыты невозможно: экспансионистский потенциал федерализма настолько очевиден, что политическим циникам просто грех им не пользоваться. И они не раз это делали: в небольшом тексте получилось упомянуть лишь малое число примеров. Но, чем шире задействуется подобный инструментарий, тем более внушительные авансы приходится выдавать территориально-этническим общностям, вливающимся в «семью»: предельным из таких обещаний выступает право беспрепятственно покинуть государственный союз, если что-то пойдет не так.

Большевики не хотели уподобляться приверженцам отживающих общественно-политических систем – и выбрали именно такой путь, ибо никому и в голову не приходило, что из коммунистического рая можно захотеть убежать. (Гегель был прав: история, в том числе библейская, никого ничему не учит.) Совокупный результат эксперимента оказался удручающим: сполна были исчерпаны оба ресурса обсуждаемой модели – и собрание союза до шестой части суши, и его разбирание за пару месяцев.

Коммунистических руководителей давно нет с нами, Хайле Селассие и Ахмаду Ахиджо – тоже, но федерализм никуда не делся. Его экспансионистский потенциал в современном мире не только может применяться, но и активно применяется. Нам же осталось только посмотреть, чем все это завершится на сей раз.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЛИЗМ И ЭКСПАНСИЯ

